

Екатерина
Аценс

Общество
призрачных
и жестоких

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А96

Иллюстрация на обложке
Станиславы Иванкевич (Night Crow)

Аценс, Екатерина.

А96 Общество призрачных и жестоких / Екатерина Аценс. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Академия тайн).

ISBN 978-5-04-210107-6

В элитном московском университете ходят мрачные легенды о призраках, что обитают здесь со времен Российской империи. Студент вечернего отделения Казимир знает, что легенды не врут: после шести часов в темных коридорах слышны крики и вой, а с учениками происходят странные трагические случаи.

Однажды Казимира отправляют в дневную группу, и его новым старостой становится Данко, таинственным образом связанный с университетским секретом. Данко предлагает Казимиру вместе найти того, кто стоит за бесчинствами и наводит ужас на студентов-вечерников. Казимир соглашается, не подозревая, что бросает вызов целому тайному сообществу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210107-6

© Аценс Е., 2024
© ООО «ЛитРес», 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

ПОБЕГ ТРУСА, ПРИНЕСШИЙ СПАСЕНИЕ

С самого начала занятия — это была история искусства, голландская школа портретистов, мелькающие на ткани проектора мазки тяжеловесных красок — все пошло странным и непривычным для нас образом. Честно признаться, когда учишься на вечернем отделении в Государственном Университете имени Ф. Ротха, существующая вокруг тебя как студента реальность начинает приобретать прямо противоположные значения: «хорошо» — это когда в другом вузе было бы «плохо», а «плохо» — когда на нашем месте ценящие себя и свое время студенты подали бы документы на отчисление. Парадоксальным образом мы верили в то, что в других университетах не лучше, и при обучении здесь по нашему совершенно одухотворенному направлению «Культурный антрополог» нам открывается недоступная для всех остальных дверь, за которой ждет блестящая карьера, деньги и признание научного сообщества. По крайней мере, так считал я — потому что единственный из всех присутствующих в кабинете изред-

ка поднимал глаза на презентацию по голландской живописи.

Преподаватель был молодой и нервный; в пыльном кардигане в серую полоску, со следом от острого соуса на уголке губ, о котором никто из нас не решился ему сказать. Ерзающий, вздрагивающий от шорохов копошащейся в сумке старосты, он напоминал мне такую здоровую, домашнюю, откормленную до размера маленького котенка крысу. Таким же острым и боязливым взглядом он порой смотрел на меня, замечая, что я разглядываю карикатурные лица персонажей Яна Стена¹; наверное, именно эта деталь — его крысиный взгляд — подсказала мне характер его дальнейших действий. С долей самоуверенности он мерзко протянул между зубов имя, которым я сам себя никогда не называл, и ласково произнес:

— Если вы так заинтересовались творчеством Яна Стена, я могу на следующее занятие принести хорошенький томик по голландской живописи. — Он довольнo похлопал себя по коленям. — Там очень плотная и дорогая бумага, каждая иллюстрация отлично пропечатана! Я в ваши годы был такой же — тянуло к искусству, как к магниту.

— Спасибо. — Я вежливо улыбнулся, но через медицинскую маску на пол-лица это отразилось только на морщинах вокруг глаз, а мои круглые, здоровые очки блестели противным лимонным бликом от ламп, поэтому вместо моего лица он видел что-то до-

¹ Ян Стен — голландский живописец «Золотого века голландской живописи».

вольно абстрактное. — Было бы здорово. Если вам не сложно...

— Не сложно, конечно, не сложно! — Он снова хлопнул себя по коленям.

Староста, сидящая в другом конце кабинета, зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться вслух, и снова принялась копаться в сумке — клянусь, каждые десять минут она доставала оттуда батончик с кокосом и начинала его тихо жевать, и каждый раз она долго смотрела на меня, ожидая, что я попрошу у нее тоже, но я вежливо качал головой, отказываясь. Ни в ее поведении, ни в словах молодого преподавателя не было ничего такого особенного, что могло бы заставить меня настроиться. Но чем спокойнее становилось в аудитории, чем легче в ней дышалось пропитанным пылью воздухом, чем непринужденнее казалась нудная лекция, чем мягче мозолили глаза мелькающие за окном огни засыпающей дороги, тем делалось яснее — скоро случится что-то особенно плохое. Не было ни дня в нашей университетской жизни на вечернем отделении, когда мы не чувствовали бы за своими плечами тяжелое дыхание застывшего над нами злого издевательства судьбы. Это превратилось в рутину. Однако все мы прекрасно понимали, что ставшая для нас привычной ненормальность происходящего не будет казаться таковой для новенького молодого преподавателя. Вот он и ерзал все время на месте — может, подсознательно ощущал, что последует далее. Я взглянул на часы — до конца занятия оставалось еще сорок минут. Два раза по двадцать, четыре — по десять. За такой щедрый отрезок времени можно было бы проследить целую

жизнь какого-нибудь микроорганизма или разрушить полмира. Нам, как студентам, была предначертана лишь одна участь — мука ожидания конца пары.

Мое мировосприятие всегда отличалось особой внимательностью к деталям. Те последние несколько минут нашего мирного существования я запомнил мелким подрагиванием ладоней старосты, скрипом шин у проезжающей по узкой дороге перед нашими окнами легковой машины, медлительной дробью капли, бьющей по железной трубе со стороны улицы, тяжелым дыханием сидящего возле меня одногруппника; помню, когда поднял на него взгляд, он посмотрел на меня в ответ — на дне его болотных глаз тяжело осел горчичный блеск паники и беспомощности, как у антилопы, зажатой мощной челюстью аллигатора. Не знаю, что в тот момент отразил мой взгляд — то ли вспышку отчаяния, то ли надежду на лучший исход для нас всех, — но потом мне стало не до этого: ушли на второй план шорохи и скрипы, запах пыли, гул машин, взгляд одногруппника, мелькающие в моей голове образы желто-оранжевой пасти крокодила и кадры из документального фильма про животных.

Раздался грохот — и в нашем кабинете погас свет. Экран проектора пошел рябью. Вся наша маленькая группа, состоящая из шести человек, замерла на своих местах; мне показалось, что мы превратились в единый организм. Дышали мы в одном темпе; наши частые, тихие выдохи и вдохи зазвучали в унисон. Даже гул от выключающегося компьютера напомнил мне тогда паническое дыхание загнанного животного. Преподаватель застыл на месте. Нелепый в своей глу-

пой беспечности, он хрипло рассмеялся — от звука его каркающего смеха мне сделалось так не по себе, что вспотели ладони.

— Что это еще за фокусы? — негромко произнес он, оглядывая нас вопросительным взглядом. — Нам отключили электричество в здании, что ли?

Мы молчали. Со стороны коридора раздались громкие, тяжелые шаги; перед дверьми нашего кабинета кто-то пробежал, потом хлопнула дверь — с такой силой, что, должно быть, практически сорвалась с петель. Несильно, но громко ударили по стене, прилегающей к нашей аудитории; от испуга я подскокил на месте, преподаватель схватился за край стола, бледнея лицом, староста на другом конце кабинета медленно поднялась на дрожащих ногах и знаком показала мне придвинуть стул к двери. Тихо, практически бесшумно передвигаясь по старому паркету, я послушался ее.

Чем ближе я подходил к двери, тем отчетливее слышал беспорядочный шум по ту сторону от нее: кто-то матерился под нос, бренчали цепочки, половицы старого, криво стесанного пола заходились отчаянным скрипом от чьих-то грубых шагов. Стоило мне придвинуть стул к двери — так, чтобы ее нельзя было отпереть, — раздался оглушительный грохот. Мне показалось, что в соседнем помещении проломили стену, но вряд ли они дошли бы до порчи здания университета.

Нас запугивали. Над нами издевались.

Я взглянул на старосту — ее бледное, изможденное лицо лишилось всей живости, взгляд потух, глаза превратились в темные впадины на осунувшемся лице.

— Что происходит? — преподаватель вжался в компьютерное кресло. — Почему вы все молчите? Кто там, что они делают?

— Разве вам не рассказали, почему за работу в вечернее время платят в два раза больше? — староста тяжело опустилась на стул.

— Сказали, что... — он вздрогнул и боязливо посмотрел на дверь. Шаги затихали. — Что студенты, бывает, шумят в коридорах. Я... Я не думал, что шумят настолько сильно... Это же срывает учебный процесс! Мне нужно сообщить... Нет, я не могу. Мне нужно позвонить!

— Связь не ловит, — я пожал плечами. — Странно, обычно к нам посылают преподавателей, которые в курсе всех... тонкостей. Почему вы тогда согласились приходить? Вас же предупреждали.

Снова раздался грохот — и гадкий, лающий смех. Они испытывали наше терпение.

— Это возмутительно! — преподаватель вскочил на ноги. Его кардиган с объемными пуговицами перекосило в сторону, когда он принялся беспокойно вертеться, собирая разбросанные по столу бумаги. — Я не могу работать в таких условиях! Я вынужден — заметьте, *вынужден* покинуть вас! Наше занятие вам возьмет другой преподаватель.

— Вы шутите? — молчавшая до сих пор подгруппница выпрямилась на своем стуле; от ее тяжелого, блестящего презрением взгляда даже мне сделалось не по себе, преподаватель и вовсе ошарашенно замер, роняя на пол засаленные бумажки с конспектами. — Если вы уйдете посреди занятия, ничто не остановит их от того,

чтобы зайти в кабинет. Ваше присутствие — единственное, что им мешает. Только преподав они не трогают, они не хотят попадаться им на глаза. Как только вы уйдете, они ворвутся к нам в кабинет и неизвестно, что с нами сделают.

— Кто это «они»? — искусствовед нагнулся, чтобы дрожащими пальцами ухватиться за край бумаги; неосторожным движением он смял ее, принялся торопливо запихивать к себе в сумку. — О ком вы вечно говорите? Это вы о тех негодях, которые шумят в коридоре? Так я выйду поговорю с ними! Не бойтесь, моего авторитета хватит, чтобы они больше не безобразничали!

— Вы идиот? — староста вся дрожала: то ли от злости, то ли от паники. Я взглянул на свои ладони — тремор у меня был не меньше. — Мы третий год это терпим, ни один профессор не смог с ними договориться, им не важно ничье мнение, третий год мы учимся закрывать на это глаза, ходим по коридорам только в сопровождении препода, трясемся от страха, когда выходим из вуза. Третий год ходим в деканат и жалуемся, и нам обещают разобраться с проблемой. Разобрались? Да им наплевать! И на ваши жалобы им будет насрать! Если уйдете сейчас, то подставите всех нас. Неизвестно, что будет, если мы останемся одни. Вам совесть позволяет быть таким трусом?

— Я не трус, — преподаватель схватился за стул перед дверью и резко отодвинул его в сторону. Испуганный, практически не понимающий ничего от накатившего ужаса, я вскочил на ноги и попытался схватить искусствоведа за плечо, чтобы остановить, но он уже

стоял на пороге — дверь была широко распахнута, позади зияла черная пасть стихшего коридора. — Я просто ценю свою безопасность! Простите. Я *вынужден* уйти.

И он бросился бежать. Его неказистая фигурка быстро растворилась в темноте: коридор, подобно черной дыре, поглотил все оттенки его пыльного кардигана и стрелчатых брюк. Чудом я успел захлопнуть дверь прежде, чем тишину разбил гул уверенных шагов. События завертелись, как дрожащая пластинка с пестрой картинкой в стиле поп-арт — в моей голове как наяву зазвучал жизнеутверждающий мотив, запел саксофон и покладистый голосок скрипки. Под взрыв радостных гитарных аккордов мы навалились на дверь, пока староста вместе с двумя одноклассницами двигала преподавательский стол.

Дверь сотрясалась от ударов; мой слух ласкал мягкий мужской баритон, и я представил себя в пропитанном сигаретным дымом зале. Там был приятный полумрак, за моей спиной шептались, рокочуще играясь согласными звуками, британцы. В смокинге, вальяжно развалившийся в бархатном кресле, я сидел перед сценой — грохот ударов по хлипкой двери нашего кабинета превратился в аккуратное цоканье каблучков танцовщиц; передо мной, улыбаясь голливудской улыбкой, стоял молодой Энгельберт Хампердинк¹. Уверенно подмигнув мне, он схватился за микрофон; совместными усилиями девочки начали двигать дубо-

¹ Энгельберт Хампердинк — британский эстрадный певец, популярный в 1970-е и 1980-е годы.

вый стол к двери, чтобы ее нельзя было открыть со стороны коридора, но, стоило Хампердинку в моей голове начать первый куплет «A man without love», дверь сотряс удар такой силы, что меня и одногруппника швырнуло на пол. Пластинку заело на одной фразе. В моей голове запищал белый шум; падая, затылком я грубо приземлился на выступающий вперед деревянный плинтус.

— Черт! — староста всхлипнула и осела на пол. — Черт возьми! Как я устала от этого. Черт!

Корявый скрип медленно открывающейся двери заставил нас всех замолчать. Как беспомощно двигающийся по сухому асфальту дождевой червяк, я стал отползать вглубь кабинета, пока не уперся спиной в острые металлические ножки стула. Казалось, сам воздух загустел и замер — превратился в желе, и дышать им теперь было так же тяжело, как если бы мне в глотку стали проталкивать железные куски. Тишина опустилась на нас плотным коконом. За дверью осталась темнота длинного коридора — в нем не было ни одного человека, но мы все чувствовали чье-то присутствие.

Может, они прятались по углам? Может, успели убежать? Может, заняли свободные кабинеты и ждали, когда мы выйдем, чтобы наброситься? Самое отвратительное, самое мерзкое и гадкое, что мы ощущали в тот момент, было незнание. От него у меня царапала желудок паника и сводило в страхе зубы.

Мы знали, что они сделали с нашей бывшей старостой: прогулка в одиночестве по темному коридору — и на следующий день она звонит нам из больницы. Ее скинули с лестницы, и не знаю, чем успели еще запу-